

УДК: 330

*А. В. Победоносцев**Европейский университет во Флоренции (Флоренция, Италия),
e-mail: Aleksei.Pobedonostsev@EUI.eu*

Национализация, нефть и политический режим: сопоставление опыта Советского государства с практиками латиноамериканских стран

Введение. Доходы от добычи нефти исторически являются важной частью бюджетов многих развивающихся стран. Традиционно в академической литературе в качестве типичных «государств рантье», или нефтяных государств, рассматриваются страны Персидского залива, однако Советский Союз также был важным поставщиком углеводородов на мировой рынок. Он создал уникальную модель экономики, основанную на командно-административном способе управления всеми отраслями народного хозяйства. В отличие от капиталистических стран развивающегося мира СССР не создал крупных государственных компаний для управления нефтяными ресурсами, однако это не помешало его нефтяной промышленности стать важным источником доходов для Советского государства. **Методы.** Проведен сравнительный анализ Советского Союза, Мексики и Венесуэлы – трех стран, правительства которых в разные годы в XX в. совершили национализацию нефтяных отраслей. **Обсуждение и результаты.** Показано, что резкое падение нефтяных цен после 1986 г. сыграло заметную роль в крушении политических режимов во всех трех странах.

Ключевые слова: нефть, национализация, нефтяная рента, СССР, Мексика, Венесуэла, политический режим.

Для цитирования: Победоносцев А. В. Национализация, нефть и политический режим: сопоставление опыта Советского государства с практиками латиноамериканских стран // Экономическая история. – 2021. – Т. 17. – № 3. – С. 237–248. DOI: 10.15507/2409-630X.054.017.202103.237-248.

Благодарность: Публикация подготовлена в рамках реализации финансируемого РФФИ научного проекта № 19-011-00866 «Советский конституционализм: доктринальное, юридическое и символическое измерения».

*Aleksei V. Pobedonostsev**European University Institute (Florence, Italy), e-mail: Aleksei.Pobedonostsev@EUI.eu*

Nationalization, Oil and Political Regime: a Comparative Analysis of the Experience of the Soviet State and Latin American Countries

Introductions. Oil production is historically an important part of government revenues in many developing countries. The Gulf monarchies are traditionally considered as typical ‘rentier states’, while the Soviet Union is usually not classified as a Petro-state, although the USSR was an important oil producer for the global economy. The Soviet Union created a unique economic model, which was based on the administrative command methods of the national economy operation. Unlike the capitalist countries of the developing world, the Soviet Union did not create giant national oil companies to manage its oil resources, but the absence of such companies did

© Победоносцев А. В., 2021

not prevent Soviet oil industry from becoming an important source of revenue for the Soviet state. Methods. The article is organized as a comparative analysis of the Soviet Union, Mexico, and Venezuela, three countries, the governments of which nationalized their oil industries at some points in the 20th century. **Results and Discussions.** The article shows that oil revenues played an important role in the collapse of the political regimes of all three countries after the dramatic decrease of international oil price in 1986.

Keywords: oil, nationalization, oil rent, USSR, Mexico, Venezuela, political regime.

For citation: Pobedonostsev A. V. Nationalization, Oil and Political Regime: a comparative analysis of the experience of the Soviet state with Latin American countries. *Ekonomicheskaya istoriya* = Russian Journal of Economic History. 2021; 17(3): 237–248. (In Russ.). DOI: 10.15507/2409-630X.054.017.202103.237-248.

Acknowledgment: The publication was prepared within the framework of the RFBR-funded scientific project No 19-011-00866 “Soviet constitutionalism: doctrinal, legal and symbolic dimensions”.

Введение

Добыча нефти и газа исторически занимает заметное место в экономике России, а экспорт углеводородов формирует важную часть доходов государства. Несмотря на то что нефтяная отрасль возникла в Российской империи еще в середине XIX в., истинный расцвет отечественной нефтяной промышленности начался лишь в советское время, после начала масштабного освоения богатых месторождений Сибири в 1960-е и 1970-е гг. В постсоветские годы российская нефтяная промышленность пережила череду знаковых трансформаций, связанных с переходом экономики на «рыночные рельсы» и приватизацией нефтяной отрасли несколькими крупными нефтяными компаниями. Частные компании провели модернизацию нефтяного сектора и заложили прочный фундамент для успешного развития отрасли в XXI в. Однако уже к середине 2000-х гг. произошла частичная ренационализация российской нефтегазовой промышленности, в результате которой многие стратегически важные активы отрасли вернулись под контроль государства.

Иногда некоторыми экономистами высказывается ошибочное мнение, что после нескольких десятилетий рыночных реформ постсоветская Россия вернулась к советским практикам управления экономикой – так называемому ручному управлению с ведущей ролью правительства и государственных компаний-монополистов [3]. Очень часто в качестве примера возвращения подобных практик приводят нефтегазовую отрасль, в которой доминирующие

позиции занимают две государственные компании – Газпром и Роснефть. Однако вытеснение некоторых частных игроков с рынка в совокупности с частичной ренационализацией отрасли не означает возвращение советских принципов управления нефтегазовым сектором. Современная Россия является капиталистической рыночной экономикой, не лишенной, однако, определенных проблем, в которой не могут применяться плановые и административно-командные практики советского времени [7; 13].

Советская нефтяная отрасль представляла собой уникальное явление в мировой экономической истории. В советской экономике уровень добычи нефти определялся плановыми показателями, продиктованными «сверху», а не рыночной логикой соотношения спроса и предложения. Также в Советском Союзе операторами нефтедобычи были не нефтяные компании, будь то частные или государственные, как во всех капиталистических странах, даже в странах с полностью национализированными нефтедобывающими отраслями, а бюрократические структуры, такие как Министерство нефтяной промышленности и Госплан СССР.

Сравнение нефтяной промышленности Советского Союза и современной России является не самой продуктивной исследовательской стратегией, поскольку эти две экономики обладают совершенно разными качественными характеристиками – индустриально-аграрная структура плановой экономики СССР и постиндустриальная

природа капиталистической экономики постсоветской России. Более продуктивно сравнение СССР с другими странами XX в., экономики которых специализировалась на добыче нефти. Наиболее подходящими для сравнения представляются Мексика и Венесуэла – две латиноамериканские страны, правительства которых, как и руководство Советского Союза, в разное время пошли на национализацию нефтедобывающих отраслей. Однако фундаментальное отличие этих стран от СССР состояло в том, что, несмотря на национализацию нефтяных отраслей, Мексика и Венесуэла продолжали существовать в рамках капиталистической системы и рыночной экономики. Сопоставление опыта Советского государства в области управления нефтяной отраслью с практиками капиталистических латиноамериканских стран позволит лучше понять уникальность советской нефтяной промышленности и роль нефтяных доходов для Советского государства и коммунистического режима.

В этой статье я хочу разобраться, в чем состояла уникальность советской модели управления нефтяной промышленностью по сравнению с капиталистическими странами. Играли сверхдоходы от экспорта нефти такую же важную роль в функционировании советского режима, какую они играли и продолжают играть в поддержании политической стабильности во многих авторитарных странах развивающегося мира? В чем главная причина отсутствия в Советском Союзе крупной государственной нефтяной компании – главного атрибута любой страны с национализированной нефтяной промышленностью?

Обзор литературы

В современном мире государственные нефтяные компании – их еще называют национальными нефтяными компаниями или *national oil companies* – доминируют в мировой нефтяной отрасли [20]. Это обусловлено тем, что почти во всех ведущих нефтедобывающих странах развивающегося мира нефтяные отрасли находятся либо в полной, либо в частичной собствен-

ности национальных правительств, что делает государственные нефтяные компании главными производителями нефти на планете.

Однако так было не всегда. Данная практика сложилась в 1970-е гг., когда на пике нефтяных цен правительства многих капиталистических стран пошли на национализацию нефтяных отраслей. До 1970-х гг. мировой нефтедобычей заправляла олигополия из нескольких крупных нефтяных компаний Запада – так называемые семь сестер. В последующие десятилетия национальные правительства многих развивающихся стран решили пойти на экспроприацию активов западных нефтяных компаний и национализацию нефтяных отраслей. После падения европейских колониальных империй политические лидеры многих стран Ближнего Востока и Северной Африки и примкнувшие к ним другие развивающиеся страны решили укрепить экономический суверенитет за счет возвращения нефтяных активов обратно под контроль государства. Многие политики рассматривали деятельность западных нефтяных компаний в своих странах как пережитки колониализма. Следуя риторике «ресурсного национализма», национальные лидеры постколониальных стран полагали, что нефтяные богатства должны служить интересам народа, а не идти на обогащение кучки западных капиталистов. М. Росс отмечает, что национализация нефтяных активов в 1970-х гг. была, пожалуй, крупнейшим в мировой истории перераспределением глобального богатства от развитых стран в пользу развивающихся [19].

Однако у национализации нефтяных активов в 1970-е гг. во многих странах были не только политические, но и чисто экономические причины. Некоторые экономисты отмечают, что национализация была обусловлена двумя факторами: беспрецедентно высокими ценами на нефть в 1970-е гг. и низким качеством политических институтов в развивающихся странах [9]. Резкий рост цен на нефть в первой половине 1970-х гг., обусловленный геополитической

напряженностью на Ближнем Востоке, был мощным стимулом для политических лидеров многих нефтедобывающих стран использовать национализацию нефтяного сектора, для того чтобы максимизировать доходы от экспорта нефти. Таким образом, экспроприация активов иностранных нефтяных компаний позволяла национальным лидерам получить максимальную выгоду с благоприятной экономической конъюнктуры – высоких цен на нефть. В то же время ряд экспертов указывают, что в 1970-е гг. практикам экспроприации собственности иностранных нефтяных компаний были больше подвержены страны со слабыми институтами. Иными словами, национализация нефтяных отраслей была произведена лидерами тех стран, где не существовало достаточно сильных механизмов защиты частной собственности и работающей политической системы «сдержек и противовесов». Поэтому неудивительно, что обычно национализация нефтяных отраслей проводилась в странах либо с авторитарными политическими системами, либо с очень слабыми и неустойчивыми демократическими режимами.

С политологической точки зрения лидеры проводят национализацию нефтяных отраслей, если уверены в том, что так они укрепляют власть внутри страны. В научной литературе достаточно большой популярностью пользуется теория так называемого ресурсного проклятия, согласно которой наличие в стране существенных доходов от экспорта природных ресурсов негативным образом сказывается на ее экономическом и политическом развитии. Одним из проявлений ресурсного проклятия считается авторитарный стиль правления многих богатых нефтью стран. За счет наличия у таких стран огромных доходов от экспорта природных ресурсов авторитарные правители могут использовать эти сверхдоходы для укрепления власти. Лидеры нефтедобывающих государств могут использовать ресурсную ренту для финансирования репрессивного аппарата, а также на покупку лояльности населения посред-

ством относительно щедрых социальных выплат и низких налогов. Поэтому не стоит удивляться, что, как показывают некоторые исследования, в нефтедобывающих странах авторитарные лидеры находятся у власти в среднем намного дольше, чем в странах, недра которых бедны нефтью и газом [2; 22].

Научная литература свидетельствует о том, что политические лидеры идут на национализацию нефтяного сектора, потому что это способствует укреплению их власти в долгосрочной перспективе [9; 15; 21]. Экспроприация активов частных нефтяных компаний позволяет политическим лидерам значительно увеличить доходы правительства от экспорта нефти, которые можно использовать для укрепления власти.

П. Махдави, используя обширный эмпирический материал, показывает, что национализация нефтяного сектора способствует укреплению власти авторитарных лидеров на длительный период [16]. Важной частью национализации любого нефтяного сектора, как он считает, является создание мощной вертикально интегрированной национальной нефтяной компании, при помощи которой правительство управляет отраслью после того, как бывшие активы иностранных нефтяных компаний переходят под контроль государства. Подобные крупные государственные нефтяные компании позволяют правительству регулировать уровень нефтедобычи в стране и эффективно подстраивать его под международную экономическую конъюнктуру. Именно в создании эффективных государственных нефтяных компаний, как полагает П. Махдави, заключается секрет долголетия многих политических режимов в нефтедобывающих странах.

Методы

В статье используется сравнительный метод исследования. Опыт советской нефтяной промышленности сравнивается с двумя латиноамериканскими странами XX в. – Мексикой и Венесуэлой. Проведенное исследование носит междисциплинарный характер. Используемая методология позволяет отнести статью как к экономи-

ческой истории, так и к сравнительной политической экономии (comparative political economy). Выводы основаны на сравнительном анализе трех стран – Советского Союза, Мексики и Венесуэлы.

Результаты исследования

Советская аномалия, или Национализация без корпораций

Особенность Советского Союза состоит в том, что национализация его нефтяной отрасли произошла без создания единой мощной государственной нефтяной компании. Иными словами, СССР был уникальной страной, в которой управление нефтяным сектором осуществлялось не рыночно-корпоративными методами, как во многих других нефтедобывающих странах, а при помощи командно-административных методов. Таким образом, он не вписывается в теоретическую модель П. Махдави, согласно которой, чтобы эффективно управлять нефтяным сектором, его национализация должна сопровождаться созданием крупной государственной компании [16].

Подобная особенность Советского Союза по сравнению с другими нефтедобывающими странами, как мне кажется, была обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в отличие от большинства капиталистических стран, советская экономика носила социалистический характер, по крайней мере после свертывания НЭПа, и в ней по идеологическим причинам не могло существовать крупных корпораций, пусть даже государственных. Во-вторых, развитие советской нефтяной промышленности, включая освоение новых месторождений, происходило в рамках существующей социалистической системы. После разрушительных последствий Первой мировой войны и не менее разрушительной Гражданской войны нефтяная отрасль Советской России находилась в упадке. Отток иностранного капитала из страны после прихода большевиков к власти также негативным образом сказался на перспективах нефтяного сектора. В этих условиях, хотя государство совершило национализацию нефтяного сектора, экспроприированные

нефтяные активы не могли удовлетворить все потребности советской экономики. Таким образом, в то время как в 1970-е гг. страны Ближнего Востока обладали мощными нефтяными отраслями, созданными иностранными инвесторами, молодое советское правительство в 1920-е гг. было вынуждено фактически создавать нефтяной сектор с нуля. Возрождение советской/росийской нефтяной промышленности происходило уже в рамках плановой экономики, тогда как правителям стран Ближнего Востока и других развивающихся стран после национализаций 1970-х гг. не нужно было ничего создавать заново, поскольку вся необходимая инфраструктура для добычи нефти была создана иностранными компаниями в предшествующие десятилетия.

Экономический строй Советского государства предопределял государственную собственность на все средства производства и национализацию всех отраслей экономики. Более того, советская нефтяная промышленность, как и вся экономика страны, функционировала как административно-командная система, в основании которой был план. В. Крюков и А. Му выделяют базовые принципы советской нефтяной промышленности: государственная собственность; развитие отрасли в соответствии с приоритетом предложения над спросом; плановое распределение ресурсов; доминирование в долгосрочном развитии сектора политических приоритетов [13, с. 342].

Советский Союз был мощной нефтедобывающей державой, которая в лучшие годы занимала ведущие позиции в мире после Саудовской Аравии по объему добычи нефти. Стабильность финансовой системы СССР, особенно в позднесоветский период, в значительной мере зависела от экспорта нефти. В период правления Л. И. Брежнева, в 1960–1970-е гг., экспорт нефти стал важной составляющей доходов государства. Некоторые экономисты указывают, что сверхдоходами от экспорта углеводородов можно объяснить относительное экономическое благополучие Советского Союза в период раннего застоя [4]. Позитивное влияние на

доходы Советского государства оказал резкий рост международных нефтяных цен в середине 1970-х гг. При этом Советский Союз сложно рассматривать как пример государства-рантье – такого государства, правительство которого живет в основном за счет сырьевых экспортных доходов [5; 17]. Достаточно сложно выделить конкретные признаки государств-рантье, поскольку исследователи нередко указывают на различные характеристики таких стран. Однако важнейшими признаками любого государства-рантье, как правило, являются значительная зависимость экономики страны от добычи природных ресурсов; ведущая роль государства в нефтедобывающем секторе страны (в некоторых странах это выражается вплоть до национализации и государственной монополии на добычу нефти); наличие одной, реже нескольких крупных государственных нефтяных компаний; государство является главным бенефициаром добычи природных ресурсов, которые составляют значительную часть его доходов.

Несмотря на то что Советский Союз соответствовал нескольким критериям государства-рантье, по структуре экономики и промышленному потенциалу он сильно отличался от всех развивающихся стран, занимавшихся экспортом нефти. Таким образом, для советской экономики нефтедобывающая отрасль была важной, но все же не системообразующим сектором экономики. Советский Союз обладал многими секторами экономики и мощной промышленной индустрией, никак не связанной с добычей природных ресурсов. Более того, объем промышленного производства СССР был недостижимой высотой для многих развивающихся экономик, специализирующихся на экспорте природных ресурсов.

В то же время СССР обладал некоторыми характеристиками, которые роднили его скорее с развивающимися нефтяными государствами, такими как, например, Венесуэла или Саудовская Аравия, нежели с капиталистическими нефтедобывающими странами Запада – США или Канадой. Ключевое сходство состояло в государ-

ственной собственности на недра, выражающейся в национализированной модели собственности нефтяной промышленности. Иными словами, в Советском Союзе, как и во многих других нефтедобывающих государствах, правительство владело нефтяной отраслью страны и было главным получателем доходов от экспорта нефти.

Некоторые авторы отмечают, что доходы от экспорта нефти были важным фактором политической стабильности в позднем Советском Союзе [8; 19]. После «революции» нефтяных цен 1970-х гг. советское правительство, как и правительства многих других стран – экспортеров нефти, стало еще больше зависеть от той ренты, которую ему предоставлял экспорт нефти и газа. В 1986 г. произошло резкое падение цены на нефть на международном рынке, что стало мощным ударом для советской экономики. Е. Гайдар в книге «Гибель империи» считает, что резкое сокращение доходов от экспорта нефти в конце 1980-х гг. стало тем ударом для коммунистического режима, от экономических последствий которого он уже не смог оправиться.

Таким образом, изначально советский режим не преследовал цели использовать национализацию нефтяного сектора для стратегического выживания в долгосрочной перспективе. Советский Союз, как затем и Мексика, совершил национализацию нефтяных отраслей в то время, когда доходы от добычи нефти не играли такой важной экономической и политической роли, которую приобрели в 1970-е гг. Для советского руководства национализация нефтяного сектора была лишь частью грандиозного проекта по построению первого в мире социалистического государства с плановой экономикой. Изначально национализация имела чисто идеологические причины. Несмотря на это, в 1960-е и 1970-е гг. нефтяная отрасль стала жизненно важной для советской экономики, поскольку приносила стране иностранную валюту и давала значительные доходы в бюджет.

Мексика

Мексика национализировала нефтяную промышленность в 1938 г. Иными словами,

в отличие от большинства других капиталистических стран развивающегося мира, провела экспроприацию активов частных нефтяных компаний задолго до того, как это стало распространенной практикой в развивающихся странах. Национализация нефтяного сектора, а также некоторых других секторов экономики стала результатом долгой политической нестабильности, в которой пребывала страна после революции и многолетней гражданской войны (1910–1917 гг.). В начале 1930-х гг. в стране сложился однопартийный режим во главе с так называемой институционно-революционной партией (PRI). В Мексике сложился один из самых долговечных авторитарных однопартийных режимов в истории, поскольку PRI непрерывно находилась у власти вплоть до 2000 г. [14].

Национализации нефтяного сектора Мексики предшествовало принятие Конституции 1917 г., которая провозгласила государственную собственность на все недра страны. Однако на протяжении почти двух десятилетий эта норма Конституции никак не мешала британским и американским компаниям быть полными хозяевами нефтяной промышленности Мексики.

Несмотря на то что в целом партия PRI не ставила под сомнение капиталистическую модель развития Мексики, ряд политических деятелей этой партии, как и лидеры мексиканской революции, определенно сочувствовали некоторым социалистическим идеям. В целом идеологическая платформа партии была достаточно эклектичной, но в ней присутствовали левонационалистические идеи. С приходом к власти в 1934 г. президента Л. Карденаса (он находился на посту до 1940 г.) актуализировался вопрос о национализации некоторых стратегических отраслей экономики страны. В 1936 г. был принят закон, разрешавший государству экспроприировать собственность иностранных компаний с выплатой компенсаций. В 1938 г. правительство Л. Карденаса произвело национализацию нефтяного сектора страны с передачей всех активов в собственность новообразованной

государственной компании PEMEX. Данному решению предшествовала десятилетняя забастовка работников нефтяной промышленности, которые требовали повышения заработной платы.

Принимая решение о национализации нефтяной отрасли, Л. Карденас, скорее, решал собственные тактические политические проблемы, чем всерьез думал о долгосрочных интересах стратегического развития мексиканской экономики. Скорее всего, он старался этим решением купить лояльность профсоюзов и заручиться их поддержкой в партии PRI. В целом ему это удалось. В. Я. Гельман отмечает, что «решение о национализации было с энтузиазмом встречено в Мексике: профсоюзы не только организовали массовые демонстрации в поддержку Карденаса, но и объявили мораторий на забастовки и в итоге перешли под патронаж и под политический контроль главы государства» [1, с. 195].

Особенностью национализации мексиканской нефтяной промышленности было то, что она не вызвала активного сопротивления со стороны США, чьи нефтяные компании были главными проигравшими от экономической политики Л. Карденаса. Обычно американское правительство очень остро реагировало на ущемление интересов своих компаний в Латинской Америке, однако в этом конкретном случае администрация Ф. Д. Рузвельта воздержалась от введения жестких санкций в отношении Мексики, ограничившись введением эмбарго на импорт нефти из Мексики. Главной причиной была международная обстановка, которая становилась все более напряженной в преддверии начала Второй мировой войны. В этих условиях американское руководство решило не накалять отношения с ближайшим соседом, военно-политическая поддержка которого или нейтралитет были важны в предстоящей войне. Таким образом, в 1938 г. Мексике удалось сделать то, что не позволялось другим развивающимся странам в то время.

Стоит сказать, что национализация нефтяного сектора в целом достаточно нега-

тивно сказалась на нефтяной отрасли Мексики. Уровень нефтедобычи в стране резко упал, а приход иностранных инвестиций в отрасль был сильно затруднен. Во многом это было вызвано ведением эмбарго на экспорт нефти из Мексики, что на многие годы замкнуло производство нефти в стране лишь на нужды внутреннего потребления. Лишь в 1960–1970-е гг. произошло восстановление нефтяного сектора страны, а Мексика вернулась в число значимых экспортеров нефти.

Изначально национализация нефтяной отрасли не играла значительной роли в политическом выживании правящего режима Мексики. Однако в 1970-е гг. отрасль, точнее, государственная компания PEMEX, стала приносить значительные доходы правительству страны. Как и многие нефтедобывающие страны в те годы, Мексика стала сильно зависеть от экспорта углеводородов. После падения нефтяных цен в 1986 г. правительство Мексики столкнулось с нехваткой денег для финансирования текущих нужд, что привело к резкому ухудшению экономической обстановки в стране. В конце 1980-х гг. Мексика погрузилась в пучину экономического и политического кризисов, результатами которых стали потеря партией PRI политической монополии и начало процесса демократизации страны в конце 1990-х гг. В 2000 г. впервые более чем за 70 лет президентские выборы в Мексике выиграл кандидат от оппозиции, что стало финальной точкой в процессе смены режима в стране.

Как и в Советском Союзе, в Мексике национализация нефтяного сектора изначально не была обусловлена стремлением режима максимизировать доходы от экспорта нефти – этим руководствовались лидеры многих стран в 1970-е и последующие годы. Однако постепенно сверхдоходы от экспорта нефти, которые приносила правительству национализированная нефтяная отрасль, стали важным фактором поддержания политической стабильности. Резкое падение нефтяных цен в конце 1980-х гг. сильно дестабилизировало политическую

ситуацию в Мексике и, как в СССР, стало одной из причин демонтажа всей политической системы.

Венесуэла

В отличие от Мексики и Советского Союза Венесуэла национализировала нефтяную промышленность лишь в 1975 г. Как и правительства многих нефтедобывающих стран, руководство Венесуэлы решилось на национализацию нефтяной отрасли, лишь когда цены на нефть достигли исторического максимума. Нефтяные активы страны перешли в собственность государственной нефтяной компании PDVSA, которая стала главной «дойной коровой» (cash cow) правительства при финансировании амбициозных социальных и инфраструктурных проектов [12].

В отличие от Мексики и Советского Союза, а также многих стран Ближнего Востока в Венесуэле национализация произошла в условиях слаженно работающей демократической политической системы. В Венесуэле после 1958 г. существовал относительно устойчивый демократический режим, в котором правящие партии сменяли друг друга у власти в результате относительно честных и конкурентных выборов. Пример Венесуэлы хорошо показывает, что экспроприацией активов иностранных компаний могут заниматься не только диктатуры, но и вполне демократические страны.

Доходы от экспорта нефти играли важную роль в поддержании политической стабильности в Венесуэле задолго до национализации нефтяного сектора. Некоторые ученые полагают, что именно в сверхдоходах от экспорта углеводородов заключается секрет устойчивости демократической системы Венесуэлы в 1950–1980-е гг., в то время как в других странах Латинской Америки постоянно происходили государственные перевороты и устанавливались диктаторские режимы [6]. В этих условиях в 1960–1970-е гг. Венесуэла была своеобразным «оазисом» демократии в Латинской Америке.

В то время как во многих странах Ближнего Востока, а также отчасти в Советском Союзе и Мексике нефтяная рента способ-

ствовала стабильности авторитарных режимов, в Венесуэле нефть была залогом стабильности демократической системы. Т. Даннинг в книге «Сырьевая демократия» (2008) показывает, что нефтяные доходы позволяли политическому руководству страны поддерживать социальный консенсус в обществе, благодаря которому как элиты, так и простой народ были заинтересованы в поддержании существующего статуса-кво и демократической системы [6].

Во многих странах Латинской Америки именно недовольство элит экономической политикой демократических правительств (обычно в вопросах перераспределения доходов от богатых к бедным) исторически было главной причиной крушения многих незрелых демократий [18]. В Венесуэле же в условиях наличия огромных доходов от экспорта нефти как для народа, так и для элиты не было мощных стимулов противостоять той демократической системе, которая установилась в стране в 1958 г. после заключения знаменитого демократического пакта Пунто-Фихо.

Национализация 1975 г. была обусловлена, как и в других странах, желанием руководства Венесуэлы максимизировать доходы от экспорта нефти для того, чтобы использовать их в дальнейшем для покупки лояльности всех слоев населения и поддержания социальной стабильности. Как и в Мексике, национализация нефтяного сектора не означала свертывания рыночной экономики в Венесуэле. Экономика страны оставалась капиталистической, а правительство Венесуэлы продолжало активно привлекать иностранных инвесторов к участию в развитии нефтедобычи в районе р. Ориноко. Особенно активно иностранные инвесторы участвовали в проектах государственной компании PDVSA в 1980-е и 1990-е гг. [11]. Иными словами, национализация нефтяного сектора не стала препятствием для участия иностранного капитала в развитии нефтяного сектора страны после 1975 г. Однако отныне все проекты происходили с участием PDVSA, которая представляла интересы государства.

Как и во многих других нефтедобывающих странах, включая Мексику, резкое падение цен на нефть в 1986 г. стало ударом для всей существующей в Венесуэле политико-экономической модели. В 1990-е гг. экономика была в глубоком кризисе, в результате чего под вопросом оказалась легитимность всей политической системы. На волне популистских обещаний в 1998 г. на президентских выборах победил У. Чавес, который со временем демонтировал всю демократическую систему страны и установил в Венесуэле персоналистский режим [1; 10].

Обсуждение и заключение

Национализация важных секторов промышленности может происходить в условиях социалистической и капиталистической экономики. Важной особенностью социалистической экономики является то, что при национализации какого-либо сектора экономики государство не создает государственные компании для его управления. Национализация нефтяного сектора в СССР не привела к созданию крупной нефтяной компании наподобие мексиканской PEMEX или венесуэльской PDVSA. Советская нефтяная промышленность управлялась командно-административными методами, функционирование которых не преследовало получение прибыли. Однако советская экономическая история показывает, что со временем даже социалистическая экономика становится зависимой от международной экономической конъюнктуры и волатильности нефтяного рынка.

Изначально национализация нефтяного сектора не играла важной роли в обеспечении политической стабильности таких государств, как СССР и Мексика. Две страны осуществили экспроприации активов частных нефтяных компаний тогда, когда нефть не играла той важной экономической и геополитической роли, которую приобрела в первые десятилетия после Второй мировой войны. Осуществляя национализацию нефтяного сектора, руководство Советского Союза преследовало идеологические цели – построение социализма в от-

дельно взятой стране, – а президент Мексики решал тактические проблемы – пытался усмирить профсоюзы и добиться их политической поддержки. Однако со временем обе страны стали сильно зависеть от сверхдоходов, которые стал приносить экспорт углеводородов в 1960–1970-е гг.

Венесуэла долгое время существовала с частной нефтяной промышленностью, в которой доминировали иностранные нефтяные компании. Правительство страны не нуждалось в национализации нефтяного сектора, поскольку население страны было относительно малочисленным – гораздо меньше, чем в Мексике и Советском Союзе, – а нефтяные богатства страны и налоги, выплачиваемые иностранными компаниями, были относительно велики. Политическую элиту страны устраивало существующее в нефтяной отрасли статус-кво. Все изменилось в середине 1970-х гг., когда нефтяные цены выросли до беспрецедентно высокого уровня. В этих условиях потенциальный выигрыш от национализации нефтяной отрасли для правительства за счет роста его доходов сильно превышал все возможные риски от реализации такого решения – международные санкции, уход иностранных инвесторов, – так что руководство Вене-

суэлы пошло на экспроприацию активов иностранных компаний в стране. В краткосрочную перспективу данное решение позволило сильно повысить финансовые возможности правительства на реализацию амбициозных социальных программ. Однако в долгосрочной перспективе национализация сделала правительство страны очень зависимым от волатильности нефтяного рынка.

Все три страны стали жертвами резкого падения нефтяных цен в 1986 г. В СССР сокращение нефтяных доходов стало последним ударом по финансовой стабильности советской экономики, которая привела к краху Советского Союза в 1991 г. В Мексике финансовые проблемы правительства ускорили крах однопартийного режима в конце 1990-х гг. В Венесуэле падение нефтяных цен было ключевой причиной дезорганизации демократической системы и прихода У. Чавеса к власти на волне популистских обещаний. Во всех трех странах падение цены на нефть в 1986 г., разумеется, не было единственной причиной начала политической и экономической дезорганизации, но в совокупности с другими факторами это стало важным спусковым крючком дестабилизации политических систем этих стран.

Библиографический список

1. Гельман В. Я. Венесуэла и Мексика: нефть, авторитаризм и популизм // Нефть, газ, модернизация общества / под общ. ред. Н. А. Добронравина, О. Л. Маргания. – СПб. : Экономическая школа ГУ-ВШЭ, 2008. – Ч. 1. – С. 166–220.
2. Победоносцев А. В. Больше нефти, меньше демократии? Политический аспект «ресурсного проклятия» // Ежегодный сборник статей исследовательского центра энергетической политики Европейского университета в Санкт-Петербурге. – СПб. : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – С. 181–227.
3. Aleksashenko S. Putin's Counterrevolution. – Washington D. C., 2018. – 347 p.
4. Allen R. Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. – Princeton, 2003. – 312 p.
5. Beblawi H., Luciani G. The Rentier State. – London, 1987. – 252 p.
6. Dunning T. Crude Democracy: Natural Resource Wealth and Political Regimes. – Cambridge, 2008. – 350 p.
7. Gaddy C., Ickes B. Resource Rents and the Russian Economy // Eurasian Geography and Economics. – 2005. – No. 46 (8). – P. 559–583.
8. Gaidar Y. Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia. – Washington D. C., 2007. – 332 p.
9. Guriev S., Kolotilin A., Sonin K. Determinants of Expropriation in the Oil Sector: A Theory and Evidence from Panel Data // Journal of Law, Economics, and Organization. – 2011. – No. 27. – P. 301–323.

10. *Hawkins K.* Venezuela's Chavismo and Populism in Comparative Perspective. – Cambridge, 2010. – 304 p.
11. *Hults D.* Petroleous de Venezuela, S. A. (PDVSA): from independence to subservience // Oil and Governance State-Owned Enterprises and the World Energy Supply. – Cambridge, 2012. – P. 418–477.
12. *Karl T.* The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States. – Berkeley, 1997. – 342 p.
13. *Kryukov V., Moe A.* The Russian Oil Sector // The Oxford Handbook of the Russian Economy. – Oxford, 2013. – P. 341–360.
14. *Magaloni B.* Voting for Autocracy. Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. – Cambridge, 2006. – 316 p.
15. *Mahdavi P.* Why do leaders nationalize the oil industry? The politics of resource expropriation // Energy Policy. – 2014. – No. 75. – P. 228–243.
16. *Mahdavi P.* Power Grab: Political Survival through Extractive Resource Nationalization. – Cambridge, 2020. – 274 p.
17. *Mahdavi H.* The patterns and problems of economic development in Rentier States: The case of Iran // Studies in economic history of the Middle East from the rise of Islam to the present day. – London, 1970. – P. 59–75.
18. *Mainwaring S., Pérez-Liñán A.* Democracies and Dictatorships in Latin America: Emergence, Survival, and Fall. – Cambridge, 2014. – 368 p.
19. *Ross M.* The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. – Princeton, 2012. – 312 p.
20. *Victor D., Hults D., Thurber M.* Introduction and overview // Oil and Governance State-Owned Enterprises and the World Energy Supply. – Cambridge, 2012. – P. 3–32.
21. *Warshaw C.* The political economy of expropriation and privatization in the oil sector // Oil and Governance State-Owned Enterprises and the World Energy Supply. – Cambridge, 2012. – P. 35–61.
22. *Wright J., Frantz E., Geddes B.* Oil and Autocratic Regime Survival // British Journal of Political Science. – 2015. – No. 45. – P. 287–306.

References

1. *Gel'man V. Y.* Venezuela and Mexico: oil, authoritarianism and populism. *Neft', gaz, modernizaciya obshchestva* = Oil, gas and the modernization of society. St. Petersburg, 2010: 165–220. (In Russ.).
2. *Pobedonostsev A. V.* More oil, less democracy? The political aspect of 'resource curse' problem. *Ezhegodnyj sbornik statej issledovatel'skogo centra energeticheskoy politiki Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge* = The annual collection of the articles of the Energy Center of the European University at St. Petersburg. St. Petersburg, 2018: 181–227. (In Russ.).
3. *Aleksashenko S.* Putin's Counterrevolution. Washington D. C., 2018, 347 p. (In Eng.).
4. *Allen R.* Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution. Princeton, 2003, 312 p. (In Eng.).
5. *Beblawi H., Luciani G.* The Rentier State. London, 1987, 252 p. (In Eng.).
6. *Dunning T.* Crude Democracy: Natural Resource Wealth and Political Regimes. Cambridge, 2008, 350 p. (In Eng.).
7. *Gaddy C., Ickes B.* Resource Rents and the Russian Economy. *Eurasian Geography and Economics*. 2005; 46(8): 559–583. (In Eng.).
8. *Gaidar Y.* Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia. Washington DC, 2007, 332 p. (In Eng.).
9. *Guriev S., Kolotilin A., Sonin K.* Determinants of Expropriation in the Oil Sector: A Theory and Evidence from Panel Data. *Journal of Law, Economics, and Organization*. 2011; 27: 301–323. (In Eng.).
10. *Hawkins K.* Venezuela's Chavismo and Populism in Comparative Perspective. Cambridge, 2010, 304 p. (In Eng.).
11. *Hults D.* Petroleous de Venezuela, S. A. (PDVSA): from independence to subservience. Oil and Governance State-Owned Enterprises and the World Energy Supply. Cambridge, 2012: 418–477. (In Eng.).
12. *Karl T.* The Paradox of Plenty: Oil Booms and Petro-States. Berkeley, 1997, 342 p.
13. *Kryukov V., Moe A.* The Russian Oil Sector. The Oxford Handbook of the Russian Economy. Oxford, 2013: 341–360. (In Eng.).

14. *Magaloni B.* Voting for Autocracy. Hegemonic Party Survival and its Demise in Mexico. Cambridge, 2006, 316 p. (In Eng.).
15. *Mahdavi P.* Why do leaders nationalize the oil industry? The politics of resource expropriation. *Energy Policy*, 2014; 75: 228–243. (In Eng.).
16. *Mahdavi P.* Power Grab: Political Survival through Extractive Resource Nationalization. Cambridge, 2020, 274 p. (In Eng.).
17. *Mahdavi H.* The patterns and problems of economic development in Rentier States: The case of Iran. *Studies in economic history of the Middle East from the rise of Islam to the present day*. London, 1970: 59–75. (In Eng.).
18. *Mainwaring S., Pérez-Liñán A.* Democracies and Dictatorships in Latin America: Emergence, Survival, and Fall. Cambridge, 2014, 368 p. (In Eng.).
19. *Ross M.* The Oil Curse: How Petroleum Wealth Shapes the Development of Nations. Princeton, 2012, 312 p. (In Eng.).
20. *Victor D., Hults D., Thurber M.* Introduction and overview. Oil and Governance State-Owned Enterprises and the World Energy Supply. Cambridge, 2012: 3–32. (In Eng.).
21. *Warsaw C.* The political economy of expropriation and privatization in the oil sector. Oil and Governance State-Owned Enterprises and the World Energy Supply. Cambridge, 2012: 35–61. (In Eng.).
22. *Wright J., Frantz E., Geddes B.* Oil and Autocratic Regime Survival. *British Journal of Political Science*, 2015; 45: 287–306. (In Eng.).

Поступила 07.06.2021.

Сведение об авторе

Победоносцев Алексей Владимирович – аспирант департамента политических и социальных наук Европейского университета во Флоренции (Флоренция, Италия). Сфера научных интересов: политическая экономия, проблемы развития, демократизация. Автор 5 научных работ на русском и английском языках. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0255-0343>.

E-mail: Aleksei.Pobedonostsev@EUI.eu

Submitted 07.06.2021.

About the author

Aleksei V. Pobedonostsev – PhD researcher, Department of Political and Social Sciences, European University Institute (Florence, Italy). Research interests: political economy, development, comparative democratization. The author has 5 academic publications in Russian and English. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0255-0343>.

E-mail: Aleksei.Pobedonostsev@EUI.eu